

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕФИГУРАЦИИ

А.И. Неклесса
Институт Африки РАН

Аннотация: *Проблематика выступления – осмысление комплексного и неоднозначного феномена шестидесятничества, его интеллектуально-политического потенциала и результативности. Анализ проблемы связан с вопросом: почему Восточная Европа и Балтия преодолели постимперский рубеж Современности, создав демократические национальные государства (nation-state), а России это не удалось? И какую роль в настройке и развитии событий сыграли шестидесятники как концептуальный, творческий и политический потенциал общества?*

Ключевые слова: *шестидесятники, оттепель, государство-организация, партократия, контрgegемония, префигурация, параллельное общество.*

1.

В послевоенной истории СССР и начале становления РФ заметно активное участие «детей XX съезда» – шестидесятников как своего рода интеллектуально-творческой закваски, т. е. авангарда интеллектуального класса страны, ответственного за: (1) обустройство общей социо-гуманитарной инфраструктуры (в т. ч. «школ мысли»); (2) обоснование/опровержение легитимности политического строя, анализ его близких и дальних перспектив; (3) осмысление исторической ситуации, примеряя на себя роль гида и актора перемен (ср. с генезисом и деятельностью «отцов-основателей» США). Шестидесятники 40 лет (1956–1996 гг.) формировали представления о действительности и альтернативы развития страны, мысля вывести общество из той или иной версии «Египта».

Почему коррекция власти в СССР в период «оттепели» оказалась столь тесно связана с философской и шире – интеллектуально-творческой активностью? Специфика СССР заключалась в том, что он был государством-организацией, причём идеологического толка, обладая особой легитимностью гражданской религии, что предполагает тоталитарный характер власти: всеобщую и активную принадлежность населения к «советскости», обязательность соучастия людей всех возрастов и социальных групп в государственной идеологии. СССР была присуща также манихейская стилистика актуализации данной коммунистической спе-

куляции («имманентизации эсхатона»¹), иначе говоря, директивная утопия воплощалась в заведомо и тотально враждебном окружении. Все это не исключительное явление в истории – можно вспомнить аналоги: Мюнстерскую коммуну, Небесное государство великого благоденствия (тайпинов), Исламское государство (запрещённая в России организация – Ред.) и т. п. [Неклесса 2018].

Девальвация радужных перспектив, кризис утопии (что и является ее родовым признаком) вела к фрустрации общества, одновременно стимулируя стремление власти восстановить пошатнувшуюся легитимность посредством не только методов внутреннего террора или внешней агрессии, но и вынужденной коррекцией собственных идео-политических прописей. Кроме того в послевоенном СССР кризис власти сопровождался также кризисом имперскости и региональным вооружённым сопротивлением, продолжавшемся вплоть до начала 50-х годов. Отменена смертная казнь с мая 1947 г. до января 1950 г. способствовала аккумуляции активных противников режима метрополии в своего рода «фабриках сопротивления» – ГУЛАГе: Норильское восстание – май-август 1953 г.; Воркутинское – июль-август 1953 г.; Кенгирское – май-июнь 1954 г. и др. Стратегии выхода из комплексного кризиса были эскизно обозначены уже на похоронах Сталина в выступлениях Маленкова, Берии, Хрущева. Ведущей тенденцией на тот момент было восстановление государственной доминанты за счет умаления (и возможно даже исключения) партократичности из управления страной. Победил, однако, сформировавшийся в ходе последующей борьбы за власть эклектичный курс политической организации СССР как партократичной/номенклатурной диктатуры под зонтиком «красной идеи»: продекларированного аттрактора и крупного нематериального актива.

Естественным образом возникает нужда в специалистах для обрамления нового курса (смеси своеобразного неотроцкизма с мирным сосуществованием в «одном флаконе»): создания соответствующего контента, формулирования концептов, прорисовки образов, прописывания смыслов, сюжетов, нарративов. После XX съезда был востребован деятельный и талантливый субъект для переработки прежних политических, социальных и культурных прописей. Второе дыхание получают и социогуманитарные отделения Академии наук СССР, практически задавленные партноменклатурой уже к началу 30-х годов [Ваганов 2023]. Так стартовала «оттепель» в своих отдельных аспектах чем-то аналогичная механизмам будущей перестройки.

Интеллектуальный класс страны в данном симбиозе преследовал собственные цели. Суть эффективной контргегемонии (Антонио Грамши)² – это союз Ахилла и черепахи, где интеллигенции в гражданской Реформации и «штурме бастионов культуры» отводится роль «черепахи», и эта роль – критическая (в той шуточной интерпретации, где черепаха всегда обгоняет Ахилла, если тот бежит в ложном направлении, а она верно определила маршрут). Шестидесятники в поиске и удержании баланса добра со злом представляли советский эрзац «учителей жизни», учитывая, что мыслители и писатели в России были своеобразным субтитутумом теологов. В условиях девальвации официальной идеологии они также являлись своего рода «протестантами» разной степени радикальности и оппортунистичности по отношению к партийно-государственной «квази-церкви».

¹ «Эйдос проблематизируется в истории лишь тогда, когда её трансцендентальное христианское исполнение обретает имманентность. Однако подобная имманентизация эсхатона является серьезным теоретическим заблуждением» [Voegelin 1999, 152].

² Ср.: «Вызвать к жизни группу независимой интеллигенции нелегко, для этого требуется длительный процесс, включающий действия и противодействия, слияния и распады, создание новых, очень многочисленных и сложных образований; пока это концепция подчинённой социальной группы, лишённой исторической инициативы, которая расширяется непрерывно, но не органически и все ещё не в состоянии перешагнуть некую качественную ступень, ещё не созрела для овладения государственной властью, для реального осуществления своей гегемонии над всем обществом, а только эта гегемония позволяет поддерживать некоторое органическое равновесие в развитии интеллигентской группы» [Грамши 1991].

Взгляд на положение вещей с позиции «адвоката дьявола» обнаруживает, что после 1956 г. происходит перезагрузка отношений интеллектуального класса и партноменклатуры, образуется своего рода асимметричный «конкордат» власти с фрондирующей интеллигенцией, несколько смещённой в сферу художественного творчества и назидательного культуртрегерства, образуя микс стилистики «рафинированного ленинизма» («комиссары в пыльных шлемах») с общим просветительством, социалистическим гуманизмом (и персональным гедонизмом) вплоть до политически активного «социализма с человеческим лицом», пролагая путь к будущим «пророкам перестройки» («киного не дано»). Все это подкреплялось представлением представителям советского интеллектуального класса существенных привилегий.

Влияние же провозглашаемых шестидесятниками ложных аттракторов (е. г. «ленинских норм») в качестве путеводных химер, склонность к выгодному компромиссу и подчас прямое сотрудничество с властью, отсутствие корпоративной солидарности и нередко – моральной позиции в отношениях с официальным миром способствовали производству «кастрированного поколения», утратившего твёрдость характера, что можно расценить и как следствие общей антропологической катастрофы в стране. А к середине 90-х годов, после утверждения новой конструкции власти приходится констатировать не только фиаско миссии шестидесятников, но как результат неудачи – девальвацию, маргинализацию, исчезновение самого «шестидесятничества»...

Вопрос, однако, остаётся: была ли у шестидесятников концептуальная и практическая альтернатива?

2.

В чем-то схожие сюжеты, ситуации, сценарии возникали и проигрывались в советских «доминионах»: Польше (1956 г. и позднее), Чехословакии (1968 г. и Хартия 77) – этих эскизах гражданской Реформации с широким спектром проявлений человеческой доблести и слабости³. Но были и определённые различия. Одно из важных, на мой взгляд, разночтений в стратегии перемен, на которое хотелось бы обратить внимание, заключалось в попытке воплотить идею гражданского общества как контробщества внутри существовавшей системы.

Имелось и определённое историческое наследство: в Польше таковым была память о *параллельной власти*, созданной и реально функционировавшей во время военной оккупации в годы 2-й мировой войны – гражданской Делегатуры польского государства: подпольного высшего органа административной власти в стране, руководившего работой гражданского сектора [Salmonowicz, Ney-Krwawicz... 1999]. В задачи Делегатуры, включавшей девять департаментов и ряд комитетов, входила организация работы субститутгов государственных учреждений и готовность принять контроль над страной после окончания войны. В условиях же «автооккупации» – это был концепт префигуративной политики (Карл Боггс⁴): контргегемонии как проекта формирования нецентрированного *параллельного общества*, молекулярных цепочек взаимоотношений, образующих социальные предприятия, «начиная с детских садов» до комплексной протополитической структурности, то есть «созидание другого мира путём посева семян общества будущего в почву сегодняшнего дня»⁵ (Ад-

³ «Оппозиционность, проявляемая модными польскими интеллектуалами, была довольно своеобразна: публично осуждая привилегии партийного аппарата и руководителей промышленных отраслей, они даже не думали отказаться от собственных. Возвращали свои партбилеты, но не учёные звания, ордена, синекуры, виллы и автомобили, которые ведь получили во время "искажения социализма"» [Slabek 2015: 287].

⁴ Префигуративная политика – стремление воплотить «в рамках текущей политической практики [...] те формы социальных отношений, принятия решений, культуры и человеческого опыта, которые являются конечной целью» [Boggs 1977: 100].

⁵ Префигуративизм – попытка реализовать префигуративную политику, «способ показать, как может выглядеть мир без тирании настоящего» (Адриан Кройц) [Raekstad, Gradin 2020; подробнее см.: Benda 2018].

риан Кройц) [Raekstad, Gradin 2020], что, главным образом, ставило под сомнение не официальную доктрину, а сложившуюся в стране систему, противопоставляя ей деятельную альтернативу или по крайней мере её материализованный в наличном обществе эскиз (преформацию).

Лозунг «Не жгите партийные комитеты, а создавайте свои» (Яцек Куронь) являлся скорее экспрессивной метафорой, подразумевая нечто большее, чем партийную борьбу – последовательный социальный переворот. Речь шла об организации в частной жизни граждан сети альтернативных институций (включая инновационные), начиная с тех самых детских садов, летучих университетов, пространств дискуссий, служб социальной поддержки и т. д. при отстранении или прямом отказе от участия в официозе. Префигуративизм, таким образом, – это одновременно политика воплощения искомого будущего и политика разрыва с доминирующими иерархиями, создавая иное тело нации, способное эффективно заместить распадавшийся режим и *связанные с ним структуры*, а страна в критической ситуации не провисала бы в пустоте, обладая не только разработанными концептами, но и кадровым потенциалом, и определённой прединституализацией, чтобы преодолеть риски и тяготы переходного периода.

Судьба несколько мистифицированной миссии шестидесятничества в 1956–1996 гг. поднимает также тему удельного веса интеллектуального класса в матрице власти и роли моральной стойкости в стратегии перемен, приемлемости для интеллигента рисков отказа от оппортунизма при контактах с «престолами и господствами» («шестидесятники – существительное или прилагательное»?) Это был экзистенциальный (и порой метафизический) выбор, развилка же заключалась в отношении к идеологической идентичности «советский» *применительно к себе*, предопределяя траекторию пути: коллаборация, прямой/косвенный оппортунизм, конструктивный ревизионизм, когнитивное противостояние, политизированное или правозащитное диссидентство (ср. с драмой Розенштрассе в феврале 1943 года⁶ и аргументацию о неполитическом характере этого протеста как аналоге позиции «соблюдайте вашу конституцию») или же самостояние и молекулярные сцепления – попытки практиковать стиль жизни, «как если ты живёшь уже в демократическом обществе...»⁷. В конечном счёте проблема заключена в силе духа нации и качестве ее аристократии – «звёзд в ночи».

Ваганов А.Г. 2023. Партийно-академическая драма. – *Дайджест прессы. Информационный выпуск РАН № 4*. – Доступно: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=5c9658bf5f28-4c9c-b8c1-04eaefdeaa16>. – Проверено: 24.03.2023.

Грамши А. 1991. *Тюремные тетради*. – М.: Политиздат. – Доступно: <https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi%2Ctetradi.pdf>. – Проверено: 24.01.2023.

Неклесса А.И. 2018. «Исламское государство» как феномен государства-организации. От государства-утопии к постсовременному акционизму. – *Метафизика. Научный журнал РУДН*. – № 3 (29). – С. 167–180.

Benda V. 2018. *The Long Night of the Watchman: Essays by Vaclav Benda, 1977–1989*. Edited by F. Flagg Taylor IV. – St. Augustine's Press.

Boggs C. 1977. Marxism, Prefigurative Communism, and the Problem of Workers' Control. – *Radical America*. – № 11 (November).

⁶ Массовая демонстрация протеста на Розенштрассе в Берлине 27 февраля – 5 марта 1943 года. В протесте участвовали этнические немцы – супруги и близкие евреев, которых намеревались отправить в концентрационные лагеря.

⁷ Ближе всего к префигуративизму находилось, конечно, диссидентское движение, прежде всего деятельной реализацией разнообразных взглядов и подчас жертвенной индивидуальной позицией, однако правозащитная доминанта и «партийность» сводили на нет попытки альтернативного социального творчества, оставляя их на периферии внимания, маргинализируя.

Salmonowicz S., Ney-Krwawicz M., Górski G., Ślaski J. 1999. *Polish Underground State*. – ŚZZAK.

Słabek H. 2015. *O społecznej historii Polski 1945–1989*. – Warszawa.

Raekstad P., Gradin S.S. 2020. *Prefigurative politics: building tomorrow today*. – Cambridge, Polity Press.

Voegelin E. 1999. *The New Science of Politics*. – *The Collected Works of Eric Voegelin, Vol. 5, Modernity Without Restraint, ed. by Manfred Henningsen*. – Columbia, Missouri, University of Missouri Press.